

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Мечты и звуки Н. Н.¹

С.-Петербург. В тип. Егора Алипанова. 1840.

В 8-ю д.л. 103 стр.

Точно так же, как повесть, в сравнении с другими родами поэзии, есть самый благодарный род для людей, не одаренных художественною фантазиею, но одаренных воображением, чувством и способностью владеть языком, — точно так же проза вообще благодарнее для них, чем стихи. Если в прозе нет даже и чувства и воображения, то может быть ум, остроумие, наблюдательность или хоть гладкий язык; но если в стихах не видно положительного художественного дарования, нет поэзии, — то уже нет ровно ничего, даже гладкость и звучность стиха в них не достоинство, а скорее порок, ибо возбуждает в читателе не удовольствие, а досаду. Стихи решительно не терпят посредственности. Конечно, и в лишенных поэтической жизни стихотворениях тотчас можно отличить в авторе человека-фразера, наклепывающего на себя разные ощущения, чувства и мысли, которых в нем и не было, и нет, и не будет, от человека с душою, но обманывающегося в своем призвании. Однако в том и в другом случае итог для поэзии и для славы автора один и тот же — *нуль*. Вы видите по его стихотворениям, что в нем есть и душа и чувство, но в то же время видите, что они и остались в авторе, а в стихи перешли только отвлеченные мысли, общие места, правильность, гладкость и — скука. Душа и чувство есть необходимое условие поэзии, но не ими все оканчивается: нужна еще творческая фантазия, способность вне себя осуществлять внутренний мир своих ощущений и идей и выводить вовне внутренние видения своего духа. Но если этой способности в вас нет, то сколько вы ни пишете и как красиво ни издавайте ваших стихотворений, вы не дождетесь от читателей ни восторга, ни сочувствия, и много-много, если иной, закрыв вашу книгу, чтобы уже не открывать ее больше, скажет, зевая и потягиваясь, как бы после тяжелой работы: «Должно быть, автор — прекрасный человек!» Если стихи пишет человек, лишенный от природы всякого чувства,

чуждый всякой мысли, не умеющий владеть стихом и рифмою, — он, под веселый час, еще может позабавить читателя своею бездарностью и ограниченностью: всякая крайность имеет свою цену, и потому Василий Кириллович Третьяковский, «профессор элоквенции, а паче хитростей пиитических», — есть бессмертный поэт; но прочесть целую книгу стихов, встречать в них всё знакомые и истертые чувствованьица, общие места, гладкие стишки, и много-много, если наткнуться иногда на стих, вышедший из души в куче рифмованных строчек, — воля ваша, это чтение, или, лучше сказать, работа для рецензентов, а не для публики, для которой довольно прочесть о них в журнале известие вроде «выехал в Ростов»². Посредственность в стихах нестерпима.

Вот мысли, на которые навели нас «Мечты и звуки» г. Н. Н.

